

фантастическая
история

Книги Виктора Сиголаева
в серии «Фантастическая История»

ФАТАЛЬНОЕ КОЛЕСО
ФАТАЛЬНОЕ КОЛЕСО. ДВАЖДЫ В ОДНУ РЕКУ
ФАТАЛЬНОЕ КОЛЕСО. ТРЕТИЙ НЕ ЛИШНИЙ
ФАТАЛЬНОЕ КОЛЕСО. НА ВСЕ ЧЕТЫРЕ СТОРОНЫ

МОСКВА, 2019

фантастическая
история

Виктор Сиголаев
**Фатальное
Колесо.**
На все четыре стороны

 ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С34

Серия основана в 2010 году
Выпуск 134

Сиголаев В. А.

С34 Фатальное колесо. На все четыре стороны: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 312 с.: ил. — (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-2855-7

Думаете, что детство советского ребенка было счастливым и безмятежным? Наверное, так. Но только не в том случае, когда в голове у обычного второклассника появляется сознание взрослого человека. Причем — из наших дней! С двумя высшими образованиями, с боевым офицерским опытом и памятью, обожженной лихими постперестроечными годами.

К чему может привести такой гремучий симбиоз? Кем станет этот школьник? На чьей стороне окажется?

Собственно, варианта только два: или на стороне добра, или... наоборот.

Но даже если ты выбрал правильный путь, где гарантии, что твой выбор самостоятелен? А вдруг все подстроено какой-нибудь мифической принцессой, возраст которой далеко за тысячу лет? И которая в случае чего просто исчезнет на все четыре стороны? А тебе отвечать!

Впрочем... как и всегда.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Сиголаев В. А., 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2855-7

— Благословляю Вас на все
Четыре стороны!

Марина Цветаева

Глава 1

ТО, ЧТО НЕ УКРАШАЕТ НАСТОЯЩИХ МУЖЧИН

Шрам будет.

И вновь на пятой точке.

Что же мне так не везет с местом размещения этих чертовых «мужских украшений»? Да и обстоятельства их приобретения в моем конкретном случае какие-то сомнительные. Не очень героические, я бы сказал.

Ну, в первый раз — понятно, тогда я хоть от злодея отбивался и жизнь свою спасал, для чего и крушил почем зря стеклянные витрины в краеведческом музее. Собственно, за это и получил «шрапнелью» в основание позвоночника.

Это еще куда ни шло. Бог, что называется, шельму метит.

Но сейчас, блин... И смех и грех! Никаких опасностей в обозримых окрестностях, и все равно прилетело в нужный сектор — тем же концом, да по тому же месту. Нарочно и не придумаешь! Как говорится, сколько ни крути... торсом — награда по-любому найдет героя. Точнее, даже и не всего героя целиком, а лишь мягкую и беззащитную часть в его тыловой локации. И это уже становится традицией.

В результате — сижу я, значит, на санках среди шума резвящейся детворы и чувствую себя жуком, наколотым на булавку. Сижу и рефлексирую...

Беда.

А кстати, это все зима виновата! И невыносимо ослепительная солнечная погода, украсившая легким морозцем крымские январские денечки одна тысяча девятьсот семьдесят пятого года.

В нашем городе вообще зимы своеобразные. Атипичные, я бы сказал. Похожи чем-то на позднюю осень где-нибудь в Подмосковье, с той лишь определяющей разницей, что пас-

мурных дней у нас на порядок меньше. И поэтому нет этой унылой всепроникающей депрессионной хмари, заливающей тоской все центральные районы нашей горячо любимой Советской страны. А снег тут у нас вообще выпадает на десять-пятнадцать дней от силы, и это в самые что ни на есть суровые и холодные зимы. Короче, снега у нас критически мало. И все равно — в целом мире нет более безумных фанатов зимних развлечений, чем мои непрехотливые земляки.

Как только толщина снежного покрова превышает критический сантиметр, а вместо хлюпающих луж под ногами начинает похрустывать редкий и экзотический в этих местах ледок, по дворам и закоулкам лихорадочно извлекается на свет божий весь имеющийся в наличии зимний развлекательный инвентарь. Причем весь и сразу! Тут вам и лыжи, и коньки, и клюшки с шайбами, и самые разнообразные средства для реализации долгожданных скоростных спусков — от банальных санок до школьного портфеля. Не беда, что из-за острого дефицита снежной массы приходится иногда преодолевать «лысые» участки маршрута по асфальту и щебенке. Ничего! Зато в слаломных трассах нет недостатка, холмов и пригорков у нас хватает с избытком. Да практически каждая вторая улочка в частном секторе — потенциальный горнолыжный спуск, вовсе и не обязательно выезжать за город. Что за глупости?

Тут главное — успеть! Пока не растаяло...

Кому счастье, а кому и недели кошмара. Как, к примеру, для ни в чем не повинных прохожих, в ужасе шарахающихся от несущихся со всех сторон и ошалевших от нечаянного зимнего счастья малолеток.

Вот и я, несмотря на свой более чем солидный возраст, раздобыв у соседа старенький агрегат на полозьях, посвятил сорок минут собственного драгоценного времени дикому и оголтелому санному спуску. Кто знает город — по улице генерала Петрова, в той ее части, где она пересекает макушку «дачного» холма. На районе это самая монументальная ледяная горка, метров так двести свободного полета. И проезжую часть нигде не пересекает, что тоже, между прочим, крайне немаловажно. Улица Ломоносова не в счет, она не заасфальтирована. А вот со следующего перекрестка, там, где поперек маршрута выскаки-

вает улица Щербака, асфальт все же есть. И бордюры соответственно присутствуют... твари коварные.

В один из них я и въехал на излете, ознаменовав сим потрясающим актом экстренное окончание своего нечаянного развлеченя. Подо мной что-то хрустнуло, и острый обломок древесины с жутким чмоком глубоко вошел под кожу в районе подъягодичной складки, если можно так выразиться с точки зрения анатомии. Я даже боли не почувствовал. Замер как паук пришипленный, настороженно прислушиваясь к новым и незнакомым ощущениям — к состоянию присутствия инородного тела в собственном и горячо любимом организме.

И время тут же потеряло смысл!

И меркнуть стали краски бытия, мир разделился на «до» и «после»...

Только вот «отряд не заметил потери бойца». Потому что вокруг, как это ни обидно, продолжалось торжество зимнего беспредела.

— Смотри. Смотри! Тут трамплин какой зыковский! А ну давай, Лысый, пробуй! Только чуть в сторону надо...

— А-а-а!.. Гык!!!

— Так в другую сторону... надо было. Там, где деревьев нет. Не сильно долбанулся?

— Я прибью тебя щас, Петрухин!

— Эй, мелкая! Ну, чего ты там? Долго ждать-то? Давай уже, спускайся!

— Да не смогла я! У меня портфель порвался. Подожди, я на дневнике попробую! У него обложка... скользкая.

— Миша! А ну домой, быстро! Михаил! Я кому сказала?! Ты меня слышишь?!

— Еще разик, мама! Ну, мама! Ну, пожа-а-а-лста! Глянь, как могу...

— Эй, шпана! А ну, ша! Черти оглашенные, шума от вас...

— Ой, батюшки! Куды? Куды летишь-то, ирод? А ну дай пройтить...

— Подожди, не спускайся, там бабка чешет! Пускай пройдет.

— Я тебе сейчас дам «чешет»! «Бабка» я ему, какая я тебе «бабка»? Невоспитанный какой...

— А-а-а!.. Гык-гык-гык!

— Та ваше не туда завернул, Лысый! Там же... ступеньки.

— Ну все, Петруха! Капец тебе! Шас я только поднимусь.

— Булка! Ты чего там замер?

О! Вот и меня заметили.

— Все в порядке, Губа! Ты иди-иди себе. Мне тут просто... посидеть надо. Подумать.

Ага, самое время для самосозерцания. Лучше и не придумаешь!

А горка кричала, рычала, визжала и хохотала. Какой-то безумный карнавал радости и счастья. И только я, приконопаченный злодейкой-судьбой к финишной черте бобслейного заезда, стремительно терял восторженный запал.

В одно мгновение стал лишним на этом празднике жизни.

И на помощь звать как-то неудобно — не хотелось портить людям настроение своими смехотворными (в обоих смыслах) проблемами. Да и... стыдно было, чего греха таить. Подобные ранения, как упоминалось, мужчину особо-то и не красят.

Встал все же кое-как, придерживая поврежденное транспортное средство у себя за спиной, ухватился поудобнее за полюзья, хотя какое тут к чертям удобство, да и похромал себе тихонько в сторону дома, благо мы недавно переехали на новую квартиру, тут рядом.

Болевые ощущения все же пришли. С каждым шагом все чувствительней и неприятнее, но что я, не мужик, что ли? В свои-то восемь лет? С учетом еще... сорока девяти, если принять во внимание, что полтора года назад в это детское тело вселилось сознание взрослого мужчины из двадцать первого века. Такой вот фантастический расклад — снаружи ребенок, внутри — дед почти.

Как ни крути, большой уже мальчик!

И сразу же захотелось задать естественным образом напрашивающийся вопрос: какие же бесы потащили этого «большого мальчика» на ледяную горку? Опять детство разыграло? В том месте, откуда сейчас рейка торчит? Тысячу раз зарекался не покатать своей «младшей половине»! Балуеть ты его...

А че, уже и покататься нельзя?

Цыц, паршивец. Не дергай санками!

Блин, больно-то как...

То-то же.

Блин! Опять у меня в голове старый да малый воюют.

Так и шел, шизофренируя своими двумя мозговыми составляющими — взрослой и детской, не забывая при этом чутко и филигранно соизмерять покачивания санок с собственными шагами.

Грустно.

Завтра днем планируется очередная тренировка, и мне крайне проблематично будет сохранить в тайне от партнеров свои новоприобретенные увечья. Замордуют ведь комментарии. Может, простудиться? Зима ведь. А у меня вон все ноги мокрые.

Да только не болею я. То есть абсолютно.

Как раз с момента возвращения взрослой составляющей в свое собственное детство. Сопутствующая аномалия, так сказать. И заживает все на мне как на бешеной собаке. Выражаясь научно — ускоренная регенерация тканей, на что наш начальник Сергей Владимирович давно уже обратил внимание, благо всегда в избытке находились «добрые люди», пытающиеся неоднократно повредить мне мою драгоценную шкурку. Бывало, что и с использованием огнестрельного оружия.

Так что закосить не удастся.

Дома меня без церемоний уложили на живот, вспороли до задницы старенькие лыжные штаны и одним махом извлекли из тела все посторонние предметы. Включая и мелкие занозы. Я даже и не почувствовал ничего особо, потому что мама моя — медсестра от бога.

Чтобы сильно не радовался исцелению, мне тут же антисептировали рану йодом, сопровождая сей поучительный процесс обильными нравоучениями, суть которых заключалась в сожалениях по поводу кратковременности искомых оздоравливающих процедур. И в надежде, что когда-нибудь я уже проткну себе наконец свою бестолковую голову, не дающую покоя, согласно общепринятым постулатам, и ногам, и всем многострадальным конструкциям выше. Звучало, конечно, шокирующе, но... не стоит беспокоиться. Все не так буквально. И это мама

не со зла, а для убедительности, так сказать. Для гиперболизации педагогического акта йодотерапии.

Зато младший братик порадовался от души, солнышко наше.

Ему родители по малолетству на горки ходить не разрешают, вот он и тоскует дома один. А тут нате, какой неожиданный подарок — целые потоки йода на зловредную задницу. Мелочь, а приятно. Ну да, священной «братской» дружбы у нас с ним как-то не вытанцовывалось. По многим причинам, углубляться не хочу. Те, у кого в семье есть младшие братья и сестры, меня, наверное, поймут.

— Иди-иди, Василий, в комнату. Не мешай.

— Ма-ам! Я посмотреть хочу.

— Нечего тут смотреть. Щепка в попе. Обычное дело для твоего братца. Вон смотри, здесь шрам, здесь рубец. Летопись, а не задница! Этапы боевого пути.

— Эй! Я вообще-то еще здесь. Или вы только одну мою задницу замечаете?

— Не тяни штаны! Не высохло еще. Полежи еще на животе. Десять минут чтобы не переворачивался. В наказание. А будешь много говорить — соседку приглашу. Тетю Свету. И дочек ее, близняшек. Они в медицинский собрались поступать, так пускай полюбуются... на перспективного больного.

Маму хлебом не корми — дай понаказывать с креативом. Вот чувствую, что она педагогически не права насчет близняшек, только спорить с ней — что против ветра... бодаться.

— Все, молчу-молчу. Васька! Пошел вон! Нечего тут пальцем тыкать.

— Василий!

— Там кровь у него! Смотри!

— А что еще должно быть? Компот?

— Хи-хи.

— И завтра в поликлинику пойдем.

— Зачем это? Ты же все обработала! Йодом!

— Положено так! А вдруг столбняк? Пусть врачи посмотрят.

Страшилка про столбняк не нова. Можно сказать, мама кошмарит меня ею все сознательное детство — от ясельных майданчиков до... да, по-моему, аж до призыва в армию!

Еще ужаснее в маминой интерпретации — это перспективы уколов в живот, если вдруг собака укусит. Или уколов в спину, уколов в плечо, да куда угодно, лишь бы не в... «летопись». Считается, что все эти жуткие инъекции чрезвычайно болезненны. Поучительно болезненны! Чтобы, значит, знал, как шkodить, щучий сын!

Дешевые, если честно, страшилки, но Васька, к примеру, ведется.

— Мама! Витьке надо в живот укол сделать — он санки сломал! А они, между прочим, не наши. А соседские!

— Василий, сколько раз тебе говорить, что ябедничать не хорошо? Некрасиво это! Так... ты говоришь, чужие это санки?

— Да-да! Чужие, я знаю. Укол ему! Это дяди-Петины санки.

— Так не выражаются люди. Надо говорить — «санки дяди Пети». Ладно. Папа с работы придет, починит. Господи! Ни своих вещей не бережет, ни чужих! Что за ребенок?

Что, братан, не прокатило?

— А еще он...

— Василий!

— А я и не ябедничаю...

— Да? Тогда ладно. Ну что он еще натворил?

Нормально? Как у них от такой логики голова еще не квадратная?

— А еще он монеты без разрешения брал!

Опа! А вот это залет, боец...

У нас, точнее у матери, есть небольшая коллекция иностранных монет. В основном — немецких, времен Третьего рейха. Находили их в развалинах домов сразу после освобождения города в сорок четвертом году. Плюс монетки стран социалистического лагеря — всякие стотинки, грошики, филлеры да прочие пфенниги. Бабушка одно время подрабатывала вахтером на стадионе КЧФ и общалась с иностранцами. Что называется, не без выгоды. Есть у нас даже, упаси бог, целый один доллар! Бумажный. Серо-зеленый, мрачный и... жутко опасный. Поэтому он и хранится в отдельной жестяной коробочке, как в изоляторе строгого режима. Бедный Джордж!

— Виктор! Это правда?

— Чего «правда»?

— Монеты брал?

— Ничего я не брал. Я даже не знаю, где они лежат.

Вру, конечно. Чтобы я и не знал!

— Ага! Он знает, знает! В спальне на шкафу. За швейной машинкой.

— Так это Василий знает, а не я. Теперь, правда, и я в курсе. На шкафу, говоришь, Вася?

— Василий! Так это ты монеты брал?

Съел?

А не надо было на брата стучать. С кем пытаешься интригами меряться, салага?

Впрочем... как-то само собой стрелки перевелись. Даже без особых усилий с моей стороны. Все, теперь начнутся разборки. Следственно-педагогическое дознание.

Давайте-ка без меня.

— Мам, я посплю. Чего-то в сон клонит. Это от ранения, наверно...

В конце концов, кто сегодня здесь пуп Земли?

— Температуры нет? Дай лоб. Вроде нет. Поспи. Завтра в поликлинику.

— Да слышал я, слышал.

— Василий! А ну иди сюда...

Успехов.

Так. Поликлиника — это даже хорошо. Это отмазка от тренировок, хотя заниматься я люблю. Мои инструкторы Сан-Саныч и Ирина соскучиться не дадут никогда. Всегда что-то интересное показывают. К примеру, как безболезненно задержать дыхание почти аж на три минуты. Или как порезать противнику кожу, имея под рукой только лист бумаги. Или, скажем, способы бесследного нанесения побоев негодяю. Очень болезненных. Гораздо болезненней, чем уколы в спину.

Знала бы мама, чем я там занимаюсь в этом своем шахматном кружке Дворца пионеров, — не пугала бы уколами раненого героя. Веселенькие такие у нас тренировки. Полезные и познавательные. Да только... «летопись» пока болит. Не стоит ее перегружать.

— Мам!

— Да. Ты почему не спишь?

— Передумал. А во сколько завтра в поликлинику? У меня же школа.

— К восьми. Сейчас схожу за талончиком. Опоздаешь на первый урок, ничего страшного. Что у тебя первым, кстати?

— Русский.

— Вот и хорошо. Перепишешь потом задание на дом. А я тебе еще и дополнительно дам упражнение.

— Чегой-то?!

— А не будешь... Осторожнее будешь на этих ваших горках сумасшедших! Чего тебе, Василий?

— А чому Витьке на горки можно, а мне нельзя?

— Сколько тебе говорить: не «чому», а «почему». Научишься выражаться как следует — тогда и посмотрим.

— А я уже умею, умею! Гля: По! Че! Му! Почему-почему-почему!!!

— Хватит! Я тебе сейчас ремнем покажу, где у тебя такое «гля»!

— Ы-ы!

— Мне тут дадут поспать когда-нибудь? Больному человеку?

— Ы-ы-ы!

— Васька! Скоти... То есть братик, дорогой! Не будешь ли ты так любезен ЗАТКНУТЬ СВОЮ ОРАЛКУ!

— Виктор!

— Ы-ы-ы-ы!!!

Обычный семейный вечер. Теплый и душевный.

Типовой.

Глава 2 ПРЕЛЕСТИ БЕСПЛАТНОЙ МЕДИЦИНЫ

Не все так просто! Здесь вам не тут.

В сказку, что ли, попали?

Талонов к доктору с записью на следующий день не было. Кончились, и что-то мне подсказывает, что и не начинались особо. Пришлось матери с раннего утра лететь в регистратуру — к открытию, к семи часам. А точнее — к половине седь-

мого, чтобы зазорчик был ефрейторский небольшой... с поправкой на пенсионеров, страдающих перманентной бессонницей.

Ничто не напоминает? Хотя что-то в этом мире остается незыблемым.

Мама — за талончиком, я — из дома вон, хотя точно знаю, что братиком родненьким буду заложен с потрохами. Главное, успеть до маминого возвращения из больницы. Тогда Васькин «стук» можно списать на издержки буйной дошкольной фантазии. И рвение подрастающей ябеды, отягощенное необходимостью вновь идти в опостылевший детский садик.

Коварно? Не буду спорить. Не мы такие, жизнь такая...

На первом этаже нашей жилой пятиэтажки по улице Батумской — проектное бюро, и вход туда по центру противоположного фасада. Но самое главное — рядом с крыльцом этой конторы, которая в такую рань пока еще не работает, есть чудесная телефонная будка. Без стекол по бокам, о чем я заведомо предусмотрительно позаботился. Это чтобы ногами становиться на ребра проемов и комфортно коннектиться с кем угодно. Роста мне не хватает, да я уже прежде рассказывал...

Надо думать, автомат здесь специально поставили, чтобы чертежники не злоупотребляли служебным телефоном внутри конторы. Видимо, какой-то из начальников считает себя жутко предусмотрительным. Поборник трудовой дисциплины во славу социализма, впрочем, спасибо ему...

— Але! Дежурный? Мой код... Ага. Да-да, он самый. Чего? Да сам ты такой. Короче! Веня! Не балуйся на службе. У меня для Пятого сообщение. Записываешь? Знаю, что и так положено. Я просто напоминаю тебе, что-то больно игривое у тебя настроение спозаранку. Открывай кавычки: «Вторник, четырнадцатое января семьдесят пятого. Взял отгул по семейным. Подробности в среду. Старик». Есть? Что? Ну вот тебе какое дело? Чего? Чего-чего? Вы там все что, с дуба рухнули? Какие зачеты? Мне восемь лет! Какая история партии? Веня! Ты прикалываешься, что ли? Все! Все, я сказал. Не знаю ни про какой марксизм-ленинизм. Да! И про него тоже ничего не знаю. И про Мавзолей не помню. Беги, стучи! Все! Конец связи.

Хотел врезать трубкой по рычагам, да чуть сам не рухнул вниз — забыл сгоряча, что стою тут враскоряку в канонических пропорциях. Как идеал витрувианский.

Идиот этот Веня. И тоже — канонический.

Хотя, скорей всего, это шутка юмора. Веня всегда хохмит с очень серьезным видом и замороженным голосом. А поскольку большей частью хохмит тупо, уровень его сарказма вообще не поддается измерению. Может быть, наши и сдают зачеты по идеологическим нормам, только с какой такой пьяной радости и я должен корячиться?

Дебилы! Так и норовят испортить настроение с утра пораньше.

Не стану утверждать, что и мать вернулась в чудесном расположении духа: в регистратуре явно была очередь. Многим, наверное, не спалось. Минут пятнадцать еще впустую ушло на размазывание подрастающей ябеды по стенам родных пенатов — здесь мой тонкий расчет оказался верен, — и только потом мы выдвинулись в сторону поликлиники. Здесь, на мое счастье, идти недалеко — до площади Восставших, минут десять ходу. «На счастье» — потому что с недавнего времени мне булками лишний раз шевелить стало как-то не в кайф. Может, нерв зацепил? Тянет что-то в ягодице. И если приходится сидеть, то совершенно без удовольствия.

Как, например, в этой долбаной очереди в поликлинике.

Я и не сидел особо. Слонялся по выцветшим линолеумным квадратикам коридора, пытаюсь установить закономерность их шаловливой расцветки в общей цветовой гамме. А заодно со скуки рассматривал посетителей.

— Витя! Далеко не ходи! Скоро наша очередь.

Ага! Знаю, как «скоро».

Зачем, спрашивается, вообще талоны дают? За которыми нужно ни свет ни заря еще и очередь отстоять в регистратуре. А на нашем талоне, прикол, еще и время указано — «восемь-четырнадцать». Не пятнадцать и не десять. Четырнадцать! Какое тонкое глумление. Глава иезуитского ордена, наверное, прыщами изошел бы от зависти.

В четырнадцать минут наша очередь, разумеется, не подошла. И даже не собиралась, собственно. Больше скажу: мы да-

же не были «следующими», как предполагалось. Впереди маячили еще две персоны на прием — парочка пожилых бабуль без видимых повреждений. Впрочем, мои увечья тоже особо в глаза не бросались. Кстати, непонятно — начало приема в восемь, у нас назначено на четырнадцать минут, а перед нами — трое! И все с талончиками. Прием по четыре с половиной минуты?

Чудеса бесплатной медицины.

Непостижимо!

— Это ведь ужас какой, — убеждала старушка, та, что перед нами, ту счастливую бабулю, чей заход к эскулапу должен был сейчас состояться. Тон рассказчицы явно рисковал вот-вот сорваться с менторских интонаций на драматично-завывающие. — Скоро из дому во двор нельзя выйти будет. Куда участковые-то смотрят? Безобразия!

— Нет таперича милиции. Такой, как раньше. И не видно, и не слышно. Беда!

— А ведь были времена — на каждом перекрестке стояли! В белой форме! В ремнях!

— Ага! Герб на шлеме. Револьвер. И палочкой так машет — туда, мол, езжай. А туда, стало быть, нельзя. Никак не можно.

Шлем?

Это же сколько лет бабушке? Точно знаю — с двадцать пятого года у представителей рабоче-крестьянской милиции были предусмотрены фуражки с околышами. Или еще раньше?

— А сейчас? Сейчас-то как? Говорю же, безобразия!

И богатый мимический пассаж на тему «да чего там говорить, и так все ясно».

— Да уж. — Grimаса понимания и солидарности в претензиях. — А давеча в Камышла́х?

— Ох уж эти Камыши, Господи, страсти Христовы! Кошмар наяву! Беда бедовая.

— Да не в Камышах, Петровна! Не в Камышах, а в Камышлах! Ты че пугаешь-то? То бухта, а то деревня. На Северной стороне. Чай, не знаешь?

— Как не знаю? У меня кума там огородик держит. В Камышлах-то. Ногу там сломишь, ни дороги, ни тропинки.

— И то верно...

Я от нечего делать наострил уши — все равно заняться нечем.

Ну, что там у вас за ужастики?

— А что у вас говорят?

— Так то же, что и у вас: убили всех. Почитай, всю семью — три человека. Бабку, деда и дочку, разведенку без детей. Всех изверги жизни лишили! Не пожалели.

— Говорят, кровищи-то, кровищи!

— Так все залито было! И ведь терпит на земле Господь зверей этих.

Да уж. Ну и новости у старушек! Я думал, кости сейчас станут перетирать какой-нибудь «шалаве», юбку ей заочно мерять, а тут...

Камышлы? На Северной стороне, значит. Приблизительно представляю, где это. Хотя и не точно, надо спросить у начальника.

— ...Топором, известное дело. Покуда спали. Прямо в постелях. И домик обчистили подчистую, — продолжала выдавать информацию первая старушка.

— Так что там грабить у пожилых-то людей? На похороны разве что, — со знанием дела отвечала вторая. — Так и не нашли кто?

— Нашли, знамо дело. На следующее утро и отыскали душегуба.

Еле заметная пауза. Бабке не чужда теория драматургии момента.

— Ну-ну! Кто же это?

Мне самому стало интересно.

— Так алкаш местный. Из той же деревни.

— Выпить, что ли, не на что было?

— Вестимо дело.

— А как нашли?

Толковая какая старушка! Я сам точно такой же вопрос задал бы на этом этапе. Недоцениваем мы старость...

— Так ведь по следам! Ирод этот выходил уже из дому, так и собаку старую да глухую зарубил. Та даже и не твякнула ни разу. А он в раж вошел, остановиться не мог. И пятна кровавые по снегу до его дому так и тянулись. Через всю деревню. А уг-

ром, как нашли его, он пьяный и оказался. В одной руке бутылка, что в доме у убитых взял, а в другой — топор в крови.

Странный какой-то убийца. Тоже какой-то театрально-демонстративный.

— А говорил что?

— Так поди ж знай! Мне не докладывают. Только понятно и так: трубы горели.

Со знанием дела говорит бабуля. Знакома не понаслышке. Дед, что ли, бухает?

— Моего старого, почитай, как прижмет раз в месяц, так лучше самой дать, — подтвердила мою догадку рассказчица. — Рука у него... ух, тяжелая. Так неделю и пьет беспробудно. Тихо и культурно. Только и успевай подносить, чтобы не осерчал. Говорит: «Я в Адлер уехал». Запой, стало быть. А как вернется снова, считай, «из Адлера» — душа-человек!

Это понятно. Хотя и не так интересно.

Что же это за убийство такое кошмарное? И Пятый ничего до нас не доводил. Впрочем, почему я решил, что он должен? Если в преступлениях нет перспективы нашего участия, никто и не будет нам про них рассказывать. Тем более когда подозреваемый уже найден. Хотя странный какой-то это подозреваемый. Может, больной на всю голову?

И собака...

Собаку зачем изничтожил? Злодей недостаточно удовлетворил свои кровожадные потребности, убивая людей? Зверски, надо заметить, убивая! Скрытый суперсадист? Или, испытывая смутное желание все-таки быть задержанным (из книжек мы знаем, что все маньяки об этом мечтают), он специально извел животину, чтобы кровавый след от собачьей будки тянулся до самого его дома? Ерунда какая-то.

Что-то здесь другое.

Я почувствовал, что мысленно вхожу в состояние, похожее на охотничью стойку. Как тот сеттер на дичь. Не бьются покания у старушек. Не ложатся ровно. А с другой стороны, разве это надежный источник информации — бабушки в поликлинике? Чего я взъелся вообще? Свербит в одной известной точке? Так она, на минутку, у тебя травмирована, должна свербеть.

Чешется — значит, заживает, как компетентно заверяет меня моя мама.

И все же...

С недавнего времени я как-то по-другому стал относиться к подобным смутным ощущениям. К тем, что на грани эзотерики, хотя и не верю я во всю эту мистику. У любого явления существуют удобоваримые объяснения. У следствий есть причины, качество всегда появляется из количества, а без борьбы противоположностей не будет движения вперед. Прогресса не будет, разве не так нас учили?

Значит, и собаку убили не просто так.

И это «не просто так» что-то мне отдаленно напоминает. Что-то из глубины истории.

Я не говорил, что до переноса в детское тело из две тысячи пятнадцатого в тысяча девятьсот семьдесят третий я был историком? И преподавать начал еще в армии — солдатам-срочникам в девяностые годы.

А историков, как и офицеров, бывших не бывает.

Собака...

Опричники? Собачьи головы, притороченные к лукам седел? Да нет. Что-то ближе. Что-то из современности. Из времен...

— Пошли! — азартно шепнула мне на ухо мать, прерывая на взлете почти готовую уже родиться мысль. — Тихонько только!

Я с недоумением оглянулся. Куда пошли? Уже к врачу? А старушки?

А старушки так самозабвенно обсуждали деревенскую трагедию, что не заметили, как подошла их очередь, — из кабинета только что вышел текущий клиент. А мама заметила. Она у меня никогда в облаках не витает.

Стараясь не демонстрировать избыточную торопливость, мы степенно продефилировали к заветной двери и неожиданным для окружающей очереди рывком преодолели последнее препятствие. За спиной многоголосо вякнули и... остались за дверью. В прошлом. На задворках истории.

А перед нами — вот она, заветная цель!

Пора снимать штанишки.

Глава 3

ЛИКБЕЗ НА ЗЛОБУ ДНЯ

— Я все равно ничего не понял. Почему на втором съезде? Почему не на первом?

— Сан-Саньч! Не позорь мои седины. Это каждый ребенок знает... у нас... кх-гм... в Советском Союзе.

— И я знаю! Я только понять не могу.

— Вот смотри, к примеру, ты какого числа родился?

— Двадцать девятого.

— Ну. Месяца какого? Сан-Саньч. Не тормози!

— Так этого... февраля...

— Ничего себе. Кривой Касьян? Крутяк. Вон оно в тебе все откуда... Оригинально. То-то я и смотрю...

— А в бубен?

— Понял, коллега, не педалирую. Продолжаю мысль. Двадцать девятого февраля ты родился, значит, зачали тебя... э-э... двенадцать минус девять... плюс два... в мае. В самом конце, если ты не семимесячный.

— Все-таки в бубен?

— Не отвлекайтесь, уважаемый. На мелочи. Если расценивать все эти события исключительно с точки зрения физиологии, то ты, душа моя, родился вовсе и не в феврале, а... в конце мая предшествующего года, строго говоря. Не буду уточнять, в каком виде и в каком конкретно папином органе. Не надо краснеть, взрослый уже мальчик. Ирина, хватит ржать! Мешаешь формулировать.

— Об этом как-то не принято...

— Отставить, поручик. Тут вам не институт благородных девиц. История партии — это тебе... не хухры-мухры... не мелочь по карманам тырить!

Кто не верит своим ушам — я действительно консультирую своего боевого товарища по курсу истории Коммунистической партии Советского Союза. Факультативно. И не без креатива, разумеется.

— Ну, продолжай...

— Итак, выработали... кх-гм... тебя когда? В конце мая. Но свет Божий ты увидел только в конце февраля следующего года.

И это — твой официальный день рождения. Формально-традиционный. По паспорту. Так и с партией — на первом съезде, который подпольничал в Минске, произошло, образно говоря, за-ча-ти-е! Всего-навсего девять делегатов со всей России! Ни программы, ни устава, один только манифест... подмахнули. Да резолюцию об образовании РСДРП. Здесь понятно?

— Ну.

— Баранки гну! Запомни, первый съезд партии — это только демонстрация желания. Совокупление. Коитус. Впрыск. Чик — и... побежал сперматозоид по трубам...

— Мне так и рассказывать на парткомиссии? Про сперматозоид?

— Если хочешь... чтобы в комсомольцы разжаловали. И служить любишь не на северном побережье Черного моря, а на южном берегу Баренцева. Так вот. Первый съезд прошел себе, всех делегатов благополучно арестовали и забыли, как дурной сон. Власть в России даже и не напряглась особо. Вовочки Ульянова в Минске, кстати, и не было вовсе. Он в это время в Шушенском рябчиков постреливал да селянок щупал.

— Как-то... неуважительно...

— Переживет. А на втором съезде, в Лондоне, Ленин уже присутствовал. Вот тогда революционеры и разработали устав, программу, а заодно и раскололись до кучи — на большевиков и меньшевиков. С одной стороны Ленин, с другой — Плеханов. Запомни хоть это. Партия была фактически уч-реж-де-на. И это слово запомни. Гораздо полезнее будет, чем сперматозоидами себе голову забивать... в обоих смыслах этой метафоры.

— Фу-ух. Вот оно мне надо?

А я даже соглашусь. Вот оно ему надо?

Налицо — вакханалия идеологического кретинизма. Зачем Козету разбираться в этих мудреностях, перекрученных до безобразия? Ладно я, историк. Еще что-то смутно помню обо всех этих «ненужностях», со студенческой скамьи. Но Сан-Санычу-то это зачем? Мало вам того, что он и так — гений оперативной работы? Профессионал с большой буквы? Или есть опасения, что дрогнет у профессионала одна из его идеологических подпорок, и крен пойдет куда-нибудь... на Запад.

Бред полнейший.

Дежурный Веня, кстати, не шутил: вся Контора в течение этой недели сдавала внеплановые Ленинские зачеты. Обливаясь слезами и чернилами, красочно оформляла конспекты «первоисточников» — тупо переписывала ленинские статьи из 55-томного популярного издания в общие тетради, которые должны быть не меньше, чем в девяносто шесть листов. А что, вы спросите, бывает больше? Нет, господа, то есть... товарищи, больше и... дальше — уже некуда.

Мы сидим в нарядной Ленинской комнате в красивом здании на улице, кстати, все того же дедушки Ленина. Здесь у нас Главный штаб — административный корпус городского подразделения. И сюда сегодня согнали целую кучу оперативников, накачали жути и рассадили по кабинетам расслабляться. В смысле, готовиться.

Я — внештатник, поэтому надо мной никто измываться не собирается. К счастью.

Но ведь я и не железный! Сочувствую, понимаешь, коллегам — помогаю, чем могу (хорошо, что у меня почерк корявый, уже припахали бы «товарищи»), морально большей частью.

— Не надо эту статью конспектировать, Ирина. У нее только название короткое — «Что делать?», на самом деле... замучишься потом ее защищать. Переписывай «Апрельские тезисы», там все коротко и понятно — вооруженное восстание, захват власти, и вперед! Наша тема.

— Старик, ты откуда все это знаешь?

Это она по инерции.

На самом деле в нашей группе только одна Ирина и в курсе, что мое сознание из двадцать первого века — я ей сам про это рассказал полтора года назад в пароксизме истерического откровения. И если кто и сможет объяснить мою компетентность в вопросах идеологической демагогии, так это только Ирина. Ну, еще и начальник, Сергей Владимирович, позывной Пятый — Ирина ему сто пудов все обо мне доложила. Хотя он виду и не показывает. Держит наши отношения в тоне недосказанности, так сказать. Чтобы не расслаблялись паршивцы.

Вот так все сложно.

— Вундеркинд я просто, — озвучил я официальную версию собственной «гениальности». — Улыбка природы. Вы бы не от-

влекались, студенты, час остался до Голгофы. Вы, кстати, узнали, кто у вас зачет принимать будет? Разведчики.

— А то! Обижаешь, начальник, — ощерился Сан-Саных, он же Козет, он же Ромео великовозрастный, так как сохнет по Ирине, полагая, что этого никто не замечает. — Нашим экзаменатором назначен некто Полищук Сергей Михайлович. Инструктор культпропотдела горкома КПСС. Инвалид войны, ветеран, герой партизанского движения, кавалер орденов и все такое прочее. Суровый мужик, говорят. Режет каждого второго. Принципиально — через одного.

— То есть, если я правильно понял, в вашей сладкой парочке жертвенный баран уже назначен?

— Сам ты баран! — взвился Сан-Саных, хотя конкретно его, собственно, я этим чудным домашним животным и не называл. Взвился и... тут же стух обреченно. — Да, впрочем... Скорей всего. Не знаю, как этот чертов зачет сдать. Старик, ты же вундеркинд, придумай что-нибудь.

— Заболей.

— Да уж. Долго думал, «улыбка природы»?

— Тогда на гауптвахту загреми.

— Ты с Луны свалился? Нет у нас гауптвахты. Только следственный изолятор. И если туда загремишь, то выход только на восток. На северо-восток, если точнее.

— Ну, я не знаю. Сдашь со второго раза, если лажанешься, чего здесь страшного?

— Ты вообще дикий? А еще вундеркиндом называется. Не сдашь — минус премия, второй раз — под взыскание, третий — несоответствие, четвертый...

— Хватит, хватит. Я понял. Запомню просто... масштабы вашего маразма.

— Вашего?

— Мальчики, хватит, не ссорьтесь, — вовремя вступилась Ирина. Она-то прекрасно знает, что я имел в виду.

— Во! Я придумал, Саных. Надо дело какое-нибудь формажорное замутить!

— Форс... чего? Мутить?

— Организовать! И чего-нибудь горящее! Острое. Резонансное. Суперпуперважное. Чтобы не до зачетов стало начальству.

Как с похитителями девушек было, помнишь? Из Москвы тогда проверяльщики сюда косяком шли. Или с Богданом-анти-советчиком...

— Ну, так-то так... Только где такое дело взять?

— Слушай, тут старушки в поликлинике про групповое убийство чего-то сплетничали. На Северной. Нет информации?

— Не-а. А когда это было?

— Не доложили бабушки. Поставлю им на вид. Ирина, узнаешь?

— Легко. Только было бы там что-то важное...

— Да это понятно. Просто... как бы это объяснить...

Как сослаться на чутье?

Про мою чуйку в отделе ходят легенды.

Про то, что неприятности в форме интересующих Контору правонарушений тянутся к моей травмированной пятой точке, словно мухи на... мед. Пчелы, наверное, будет точнее, да не суть важно. Важно то, что в новой своей реинкарнации, в теле восьмилетнего школьника взрослое сознание притягивает к себе самые опасные зловключения.

Проверено опытом.

Необъяснимо, но факт. Очень нужный и полезный факт для нашего начальника. И он просчитал этот феномен с первых же минут нашего знакомства позапрошлым летом. Влет. Может быть, наш Шеф тоже того... какая-нибудь аномалия? Во всяком случае, в деле своем он зверь. И чутья это касается, и опыта, и навыков.

Так вот, подсказывает мне моя чуйка, что убийство стариков и бездетной женщины в местечке Камышлы не так просто, как кажется. И не пьяный маргинал это сотворил, тут моя интуиция просто в истерике бьется. Не так все просто.

К тому же... собака.

Почему мне так не дает покоя расправа над животным?

Люди убиты! Молодая женщина и ни в чем не повинные старики! Где-то землю топчет нелюдь, воздух собой паскудит, а я уперся рогом в собаку...

Неожиданно я заметил, что вокруг воцарилась напряженная тишина.

Затаив дыхание мои товарищи ждали, что я там дальше буду оракульствовать.

Да что же это такое? Что это за культ моей личности? Может, мне с бубном в следующий раз на работу приходиться? Да с вороньими черепами на поясе тут пляски устраивать? Вокруг костра из учебников по истории партии? Как дети малые...

Я вздохнул.

— Не знаю. Мало информации. Ирин, узнай, а? Село Камышлы на Северной стороне. Пожилой хозяин, его жена и взрослая дочь зарублены топором. И собака... тоже. Вроде нашли подозреваемого, односельчанин-алкоголик.

— Хорошо, узнаю. Только к вечеру. Поздно уже будет...

— И еще. Это не из-за зачетов. Просто... беспокойно мне что-то...

— Ага! Когда тебе «что-то беспокойно», у нас пуканы рваться начинают!

— Саша!

— То есть я хотел сказать... э-э...

— Не напрягайся, Сан-Саньч. Все поняли. И... ты прав. Чувствую, опять мы на пороге грандиозного шухера. По крайней мере, в виде предстоящих Ленинских зачетов — это уж точно. Как минимум.

— Умеет же утешить... мама моя! Двадцать минут осталось. Чего еще почитать?

Черт. Козет явно в панике. Этот дядя с десятком головорезов справится походя, не напрягаясь, — даже пульс не участится. А здесь перед простеньким экзаменом — явно в предынфарктном состоянии.

— Саша, ничего не читай, нет смысла. И нового не запомнишь, и старое в голове перемешаешь в винегрет. Лучше расслабься и переведи дух, больше пользы будет. Медитируй.

— Тебе, Ирина, хорошо говорить. У тебя память как...

Не продолжил аналогию. Зная Козета с его «образным» мышлением, все поняли — продолжения не будет. Тем более что мой инструктор в транс. Аж жалко мужика.

— Слушай, Саньч! Хочешь «козырь в рукаве»?

— Чего-чего?

— Есть одна информация, которая может тебе помочь на зачете.

— Ну?

— Какой съезд был последним?

— Тоже мне вопрос. Двадцать четвертый — на каждом углу транспаранты...

— Правильно. Про итоги съезда спрашивать не буду, их не каждый горкомовец сможет внятно перечислить. Но ты должен знать твердо — резолюцию по отчетному докладу можно образно назвать... запомни, Саныч... Брежневской «Программой мира».

Опасная игра вообще-то.

Нет пока еще в природе понятия «Программа мира», хотя резолюция принята аж четыре года назад. Лишь в этом году брежневские подхалимы станут называть стратегию царя Леонида пафосным словом «Программа...». По образу и подобию всегдатая Мавзолея, питавшего слабость к этому словечку. И если Козет между делом вставит это креативное словосочетание в свое бляение на зачете, это будет по-новаторски дерзко. И в десятку, так как искомые тенденции уже витают в воздухе.

Так пусть Саныч и будет первым!

— Саша, ты запомнил?

— Да, Ир. «Программа мира». Брежневская. Я же не тупой. Разрядка там. Ограничение ядерного вооружения, термоядерного, химического...

— Саныч, уважаю. Все правильно. Фишку придерживай напоследок. Сразу козырями не свети.

— Витек! Ты уж как маленькому мне не разжевывай.

— Все, молчу-молчу.

Вот и хорошо.

Оклемался вроде, раз огрызается.

А нам того и надо.

Глава 4

ЖРЕБИЙ БРОШЕН, ГОСПОДА

Не помогла Сан-Санычу «Программа мира».

Видимо, не до конца ее продумал наш «дорогой Леонид Ильич». Либо Козет тормознул, впал по своему обыкновению в ступор, когда не надо. На деталях, скорей всего, посыпался. Срезал его на мелочах суровый партизан идеологического фронта. На тонкостях и нюансах возмужания всеми нами лю-

бимой партии в годы Гражданской и Великой Отечественной войн. Скажу по секрету, при желании на этой теме засыпать можно любого! Даже меня, не побоюсь этого позорного признания.

Загнанный в угол Сан-Саныч все же решился использовать мой «kozyрь», да только угрюмый инструктор культпропотдела даже бровью не повел на «хайповую» фишку — или не слышал еще про новомодный термин, или... Козет был уже заранее приговорен. Обречен на заклятие, аки агнец невинный. «Режу каждого второго», — помните? Тупой и беспощадный принцип аксакала идеологической юрты. Неумолимая децимация бойцов с поправкой на обстоятельства современной цивилизации.

Короче, не видать Сан-Санычу премии, как собственных ушей. И неделя сроку на передачу зачета. Без надежды на благополучное разрешение этой проблемы. Если только...

— Сергей Владимирович, — обратился я к Шефу, — какие у вас ассоциации вызывает факт убийства домашних животных после зверского уничтожения хозяев?

— Услышал про резню в Камышлах? — в секунду расшифровал меня начальник. — Откуда?

— Старушки судачили в больнице.

— Старушки? Любопытно. И двух месяцев не прошло, а уже... судачат.

— Я удивляюсь, почему вообще весь город на ушах не стоит.

— Потому и не стоит, — многозначительно поджал губы начальник. — Вовремя меры приняты. Только, я смотрю, у некоторых память девичья. Не по годам...

— Засекретили, что ли?

— А ты как думал?

— Да ничего я и не думал. Просто странно — как такое можно засекретить? Всю деревню на подписку?

— А что, думаешь, сложно?

— Да, действительно, чегой-то я... и все же... про собаку. Вы как-то ушли от темы.

— А что собака? Между прочим, если бы ее подозреваемый не зарубил, то и следов бы не было. А так — кровавый проспект от дома до дома. И в конце цепочки отпечатков — валенки на

крыльце, прямо перед дверью. А на них — кровь и собаки, и всех остальных жертв. И топор рядышком, к стеночке приставленный.

— А разве топор не в руках у убийцы нашли?

— Тоже старушки напели?

— Ну да. Чего-то я не подумал. Недооценил глубину творческой фантазии пенсионеров. Точнее... переоценил.

— Топор аккуратно прислонили к стенке около дверного откоса.

— Аккуратно? — Я внимательно посмотрел на Шефа, ни на секунду не подозревая его в наивности.

Глаз он не отвел. Гляделок своих, наглых и бесстыжих.

— Это не наше дело, — буркнул Сергей Владимирович, раздражаясь неизвестно на что, — и подозреваемый... найден уже.

— Долго искали? Не запарились?

— Чего ты от меня хочешь? — вспыхнул все-таки начальник. — Чтобы я дело взял? А где тут угроза государственной безопасности? Не скажешь?

Вообще-то он у нас выдержанный мужчина. С холодной головой и... слегка подогретым сердцем. И руки... моет часто. И ноги... наверное.

— Я хочу понять, что меня беспокоит по поводу этой собаки. Кроме того, что ее специально зарубили для фальсификации следов.

— Наглец ты, — устало вздохнул Шеф. — Упрямый и настырный. Скачешь опять впереди паровоза.

— На том и стоим... вернее, скачем.

— Между прочим, с фальсификацией следов ты озвучиваешь одну из версий, как неоспоримый и состоявшийся факт. А это, драгоценный ты мой, непрофессионально как минимум.

— Знаю. Только ничего поделать с собой не могу.

— А вообще... убивать живность вместе с хозяевами — это бандеровские прихватки. Со времен войны...

Есть!

Вот что меня мучило.

Ай, молодец начальник. Шевельнул в моей голове самый нужный камушек. Да так, что плотина рухнула и меня прорвало.

И я ему все вывалил. Сбивчиво и сумбурно, не успевая за собственной мыслью, — так много информации поперло из кладовых памяти.

Историк я или нет?

Их называли «шүцманы» — полицаи охранных команд.

Шуцманшафт, шүма, шума-батальоны СД, набираемые из представителей населения оккупированных территорий. Или из военнопленных солдат Красной армии, если те не евреи, не цыгане и не коммунисты. Только пленные красноармейцы очень редко шли в полицаи, большинство из них предпочитало трагическую долю узников лагерей смерти. Предателями становились единицы.

Основной состав шума-батальонов был представлен из «местных кадров». Большею частью из уголовников всех мастей, бандитов, дезертиров, просто отбросов общества — подонков или паталогических садистов. В полицаи шли целые подразделения украинских националистов, готовые убивать все живое, не укладывающееся в идею «видродження Украинской державы». На конкурентной основе с украинцами в полицаи рвались и «аковцы», бойцы польской подпольной «Армии Крайовой», коварно предполагая когда-нибудь, рано или поздно, развернуть оружие против своих же новоявленных хозяев. Только все их «селоковские хитрости» для немцев были шиты белыми нитками. Они просто цинично стравливали периодически своих хитромудрых подопечных друг с другом, тем самым обезопасив себя от предательства со стороны собственных ненадежных помощников.

«Аскар» — так их называли брезгливые арийцы. Это означает «туземные солдаты», а туземцам доверять можно лишь грязные и второстепенные задачи.

Карательные, например. Чтобы самим не мараться.

Тем более что убийство гражданских лиц, как было принято считать командованием вермахта, пагубно влияет на боевой дух немецкого воинства. А убивать, как завещал любимый фюрер, хошь не хошь, а надо...

Твари!

Вот и поручали цивилизованные европейцы грязную миссию диким и недалеким аборигенам — малоросы жгли польские Кресы, а поляки стирали с лица земли украинские хутора. Хотя... разные были варианты. Трудно, что ли, облапошить этих тупых и кровожадных «аскари»? Главное — «разделяй и властвуй». Украинцы, к слову, в этом сатанинском соревновании преуспели больше, как ни крути. Настрадались в свое время от польских «осаднюков»... да и силы враждующих сторон не были равными. Впрочем, речь пока не об этом.

Вот за что зацепилась моя память: собак, именно собак уничтожали шуцманы во время карательных зачисток неблагонадежных сел и деревень. Причем убивали их уже после ликвидации гражданского населения — всю домашнюю живность, скот, птицу, все, что не могли забрать с собой. «Що не з'їм, то понадкушую» — помните? Старательно сводили на нет все живое, что находили во дворе. Зачем? Трудно сказать. Как вариант — полицаи, «аскари», пытались приобщиться, так сказать, к немецкой пунктуальности. Старались подражать своим педантичным хозяевам. С целью получения дополнительных бонусов одобрения от господина. Сказано им было «зачистить» населенный пункт — вот и «зачищали»... всех, без конкретики и разбору.

А поскольку, как правило, во время совместных карательных операций немцы полицаям выдавали только по одному боевому патрону, уж не знаю по каким таким своим соображениям, «зачистка» осуществлялась исключительно холодным оружием. Штыками, ножами и прикладами. Топорами, как вариант...

Происходил этот кошмар приблизительно так. Группа карателей врывается в дома и выгоняла людей на улицу — взрослых, детей, стариков. Всех, кто мог передвигаться. Там их конвоировали до центральной площади, где и планировалась основная расправа, — или сами немцы методично всех расстреливали из пулеметов, или шуцманы сжигали людей в амбарах. В целях экономии боеприпасов.

Вторая группа, состоящая уже полностью из коллаборационистов, проходила следом за первой — выгоняла скот на улицу и отправляла его туда, куда укажут немецкие интенданты.

А вот третья группа, в которую почему-то стремились самые отъявленные отморозки, производила окончательную зачистку населенного пункта. Нелюди демонстративно жестоко расправлялись с уцелевшими людьми, если таковые находились. Это или обездвиженные старики, или лежачие больные, или те, кто наивно попытался спрятаться от расправы. Потом грабили имущество и поджигали дома. Прибыльная была операция, всегда с наваром. И чистоплюев в третьей группе не держали, в отличие от «скотоводов». У всех были руки в крови. По ноздри.

Именно эта группа палачей и убивала оставшихся в живых собак.

Тем более что эти животные во времена войны стали огромной редкостью. Роскошью, которую необходимо было стереть в прах, как и всех живущих рядом.

Надпись на нарукавной повязке полица — «TREU TAPFER GEHORSAM»: «Верный, храбрый, послушный». Так и убивали — верно, храбро и послушно. Не тратя патронов и эмоций.

Страшный расклад.

И страшные дела, которым, на мой взгляд, нет прощения.

Без учета срока давности и мнений современных «примирителей».

Сергей Владимирович все это внимательно выслушал, ни разу меня не перебив.

Сомневаюсь, что в моих словах он почерпнул для себя что-то новое. Все эти чудовищные факты общеизвестны, задокументированы и среди здравомыслящих людей сомнению не подлежат. По крайней мере, в середине семидесятых, покуда живы еще непосредственные очевидцы, несостоявшиеся жертвы и чудом уцелевшие свидетели цивилизованного европейского зверства.

— А какой возраст у того пьяницы, подозреваемого в убийстве? — спросил я Пятого, смутно ощущая реальную значимость выбранного направления мысли. — Он войну застал в сознательном возрасте?

Начальник пару секунд задумчиво побарабанил по столешнице пальцами. Будто возвращаясь из ему одному известных далей.

— В сознательном, — подтвердил он. — Вполне мог быть полицаем. Правда, очень юным, лет шестнадцать ему было всего в сорок втором, но...

Да-да, знаю.

Эту тему в советской идеологии предпочитали замалчивать.

Дабы не разжигать лишний раз межнациональной неприязни между братскими народами. Среди украинских полицаев действительно было очень много подростков — неоперившихся, легко поддающихся психологической обработке и по-юношески яростно цепляющихся за жизнь. И если про погибших молодоговардейцев знала вся страна, про юных «шущманов» знать было совсем не обязательно. Вредно даже...

Что касается моего мнения — такой расклад был в корне ошибочным. Достаточно вспомнить нетленный образ гайдаровского Плохиша, который в качестве антагониста создал неповторимый фон для всеми любимого детского героя — Мальчиша-Кибальчиша.

Без тьмы нет света.

Мир без теней — плоский и невыразительный. Нужны инь и ян. Два независимых и не сводимых друг к другу начала. Что будет, если долго прятать одно от другого? Печальная судьба Советского Союза показывает, что ничего хорошего.

К примеру, на существование в нашей недавней истории бандеровского феномена я обратил свое сознательное внимание только в зрелом возрасте. Раньше как-то отмахивался — мол, несерьезно все это. Исключение из общего правила, подумаешь, пара-другая предателей. Выродки и отщепенцы есть везде.

А на самом деле все оказалось не так однозначно.

Фильм «Государственная граница» помните? Шестая серия, «За порогом Победы». Сцена убийства бандеровцами советского пограничника. В огне, живьем. До оторопи. До жуткого мороза по коже. И после просмотра все стало на свои места, заполнились досадно свербящие лакуны среднего образования. Лишь одно резануло тогда по неокрепшему сознанию: НЕУЖЕЛИ? Больно так резануло, до сукровицы...

Это что, правда? Да не может быть. Это же наши братья! Родные, советские...

И окончательное понимание, словно холодный душ среди теплого благополучного дня: да, правда! Так все это и было. И от этой правды заботливо нас защищало наше собственное государство. Трудно сказать, правильно оно делало или нет. Наверное, нет. Потому что чуть позже очень многие оказались не готовы к возвращению в реальность средневекового варварства...

И в числе современных приверженцев зла вновь оказались... пацаны и девчонки. С жидкими мозгами, не оформившейся психикой и яростным стремлением к сытой жизни. К тем самым пресловутым кружевным трусикам, на пути к которым опять подвернулись, как учили патриархи национализма, жида, цыгане и москали...

А мы все это легкомысленно... просрочили.

Опоздали, короче.

Поздно врубилась в эту тяжелую тему. Потому, наверное, что лечили симптомы, а не причины. Сняли нужное кино лишь в восьмидесятых, перед самым крахом братского Союза. А такие фильмы снимать нужно было раньше лет на двадцать! И крутить их ежеквартально, ежемесячно, ежедневно. Напоминать, разъяснять и комментировать. И вбивать правильные выводы в растущие головы акселератов, которые так и норовили крутануться в сторону заманчивых «Битлов» и мятного «Ригли Сперминта».

М-да.

— ...Но только он всю войну просидел в Ташкенте, в детском доме, — закончил свою мысль Сергей Владимирович.

Чего?

Кажется, я отвлекся.

— Кто просидел?

Шеф коротко глянул в мою сторону с легким налетом недоумения.

— А! — вспомнил я нить разговора. — Подозреваемый?

Начальник, не отвечая, разглядывал меня со слегка улавливаемым скепсисом.

Ах, так? Изволим свысока к сотруднику относиться?

— Знаете что, Сергей Владимирович? Попробуйте проверить — был ли погибший старик причастен к партизанскому

движению. Не просто к службе в армии или к какому-нибудь «трудовому фронту», а именно к партизанам!

Скепсиса поубавилось. Даже мелькнула искорка заинтересованности.

— Я вам так скажу, — продолжал я умничать. — Если зарубленный дед — партизан, концы нужно искать среди фашистских прихвостней. Бывших, разумеется, и тщательно сегодня замаскированных. Легализовавшихся в нашем времени. Их еще «недобитками» в нашей прессе называют...

Жалкая попытка подколоть начальника.

Он даже ухом не повел. «Аквила нон каптат мускас» — «Мух орел ловить не станет».

Тем не менее коли уж пошел «высокий штиль» — жребий брошен, господа-товарищи! «Алеа якта эст». И назад дороги нет — Шеф явно заинтересовался этим делом. Определенно! Знаю я это задумчивое выражение физиономии и бессознательное постукивание пальцами по крышке стола.

Принято. «Пробатум эст».

Глава 5 ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ

Прошлым летом отцу выделили новенькую двухкомнатную квартиру, и семья, собрав нажитое, переехала жить ближе к центру. Помню, как впервые услышал от родни сожаления о том, что мы с братом Василием «однополые». Словечко же нашли! Лет эдак через тридцать этот термин, к сожалению, потеряет жилищно-коммунальный подтекст и вознесется... в глубины европейско-тоталитарной риторики.

А пока... ну, однополые, чего уж тут греха таить. Виноваты. Поэтому и «двушка» нам досталась, а не «трешка». Но все равно. Своя Квартира!

Это же непередаваемые ощущения. Полная перезагрузка и переоценка всего, что еще можно переоценить. И состояние перманентного праздника, лишь перетекающего плавно из одной формы в другую. Можно за очень многое ругать Советский

Союз, но его жилищная политика по отношению к простым смертным достойна уважения!

Вот, к примеру, наша семья: отец — строитель, мать — медсестра. Через год отцу в его стройтресте дали малосемейку в двухэтажке барачного типа, с подселением. Не дворец, но и не шалаш какой — по молодости лет жить можно. А вот еще через пять лет — нате вам подарочек: отдельная квартира! Как говорится, «без аннексий и контрибуций». В смысле, нет тебе ни рассрочки, ни ипотеки, никакой другой замаскированной кабалы.

Просто получай и пользуйся. За так! Бесплатный кусок государственного пирога. Тот самый, из которого нехорошие люди в девяностые годы походя сделают банальный предмет торга, спекуляции и всяких прочих темных махинаций. Причем сделают это, активно оплевывая без всякого зазрения совести тот самый социалистический строй, который и подарил им безвозмездно сей предмет экспресс-обогащения.

Снимаю шляпу перед Союзом. И другим рекомендую. Тем, кто множит ряды неутомимых злопыхателей и упоротых критиканов. И кто наверняка вякнет очередной раз: «У-у! Шесть лет ждать! Это же целая вечность!»

Компетентно заявляю — в самый раз!

Нужный срок именно для того, чтобы ребенок вырос для самостоятельных эмоций и долговременного формирования памяти. Одно дело впервые осознать себя в уже полученной квартире, а другое — пережить новоселье лично.

Это что-то!

В течение двух недель после получения ордера мы всей семьей ежедневно ходили к новой квартире... «в гости». Вдыхали, зажмурившись от наслаждения, едкий запах алебастра и новенького линолеума, по десять раз на дню отмывали окна, полы, стены на кухне, выкрашенные ужасной темно-синей масляной краской. Зато практично! Мама нарезала из бумаги трафаретов и кусочком поролона набила на стенах желтые грибочки, красные орешки и что-то похожее на листья конопли жизнерадостно-салатового цвета. Подразумевался клен, кто не догоняет. Сложно утверждать, что кухня перестала кошмарить воображение, но стало веселее — это уж точно!

Вообще мама получила новое перерождение.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> То, что не украшает настоящих мужчин	5
<i>Глава 2.</i> Прелести бесплатной медицины	13
<i>Глава 3.</i> Ликбез на злобу дня	20
<i>Глава 4.</i> Жребий брошен, господа	26
<i>Глава 5.</i> Педагогические дискуссии	34
<i>Глава 6.</i> Принцесса Диана	40
<i>Глава 7.</i> Буйство сюрреализма	50
<i>Глава 8.</i> Неуместное веселье	58
<i>Глава 9.</i> Школа юного физика	67
<i>Глава 10.</i> Пионер — всем балбесам пример	76
<i>Глава 11.</i> «Цыганочка» с выходом	84
<i>Глава 12.</i> Все, оказывается, просто	91
<i>Глава 13.</i> Трудно быть верблюдом	101
<i>Глава 14.</i> «Ну, заяц, погоди!»	107
<i>Глава 15.</i> Комедия абсурда	115
<i>Глава 16.</i> Скунс на охоте	123
<i>Глава 17.</i> Член моего кружка	132
<i>Глава 18.</i> Одной собакой меньше	137
<i>Глава 19.</i> «Кто стучится в дверь ко мне?»	146
<i>Глава 20.</i> К вам приходят малыши	152
<i>Глава 21.</i> Юпитер шутит	158
<i>Глава 22.</i> Зачарованная пешка	165
<i>Глава 23.</i> Можете звать меня «совком»	174
<i>Глава 24.</i> Южные нравы	180
<i>Глава 25.</i> Главное слово	188
<i>Глава 26.</i> Зашифрованные симпатии	196
<i>Глава 27.</i> Третий выход из дилеммы	202
<i>Глава 28.</i> Граф Таврический	209
<i>Глава 29.</i> Начинается	215
<i>Глава 30.</i> Кто ты, тварь?..	223

<i>Глава 31.</i> Лихо не беда	230
<i>Глава 32.</i> Ни пуха ни пера	236
<i>Глава 33.</i> Полеты наяву	245
<i>Глава 34.</i> «Позвони мне, позвони...»	253
<i>Глава 35.</i> Камушек на обочине	260
<i>Глава 36.</i> К свиньям собачьим	269
<i>Глава 37.</i> Сцилла и Харибда	277
<i>Глава 38.</i> Восемь минут	284
<i>Глава 39.</i> Возвращение в реальность	289
<i>Глава 40.</i> Почти эпилог. Где-то я уже это все когда-то... слышал	296